

ПУГОВИЦА

ЧАСТЬ 1

Сентябрь, 2003 год

...Я уже не помню, когда приходил домой, не будучи слегка подшофе. А может быть, и не слегка... Но со вчерашнего дня появилось ощущение, будто бы мне под лопатку вшили «торпеду» и я умру даже от одного вида стопки с водкой или коньяком. Погасить возбуждение мне было совершенно нечем. Оставалось только кое-как дотянуть до конца дня. С другой стороны, мне подсознательно хотелось, чтобы он тянулся бесконечно. Я боялся вернуться домой, боялся сесть за компьютер. Поэтому после двух лекций в институте кинематографии я вернулся в офис. Делать мне там было совершенно нечего, я вообще мог работать дома, придумывая бесконечные сюжеты для рекламных роликов, но, как уже сказал, идти домой я боялся. Поэтому тупо просидел в кабинете, закинув ноги на стол, то и дело заставляя офис-менеджера Татьяну Николаевну заваривать крепчайший кофе. Я смотрел за окном. И зрение мое было настолько обостренным и сконцентрированным, что я видел мельчайшие переплетения и бороздки на коре дерева, росшего на противоположной стороне улицы. Я не отрывал взгляд от этих бороздок, они напоминали мне морщины на лице старца, в которых запуталась белесая паутина. Лето подходило к концу. Заканчивался год. Не знаю, как у других, — мой год всегда заканчивается с последним днем августа. Я старался ни о чем не думать. Но в мыслях я уже раз сто побывал у себя дома и совершил несколько привычных для меня движений: открыл дверь, сбросил пиджак, сел за компьютер в глубокое черное кресло и щелкнул «мышкой». Почему я так боюсь сделать это в реальности? Что мне стоит сейчас скинуть ноги со стола,

подхватить кейс, выскочить на улицу, махнуть первой проезжающей мимо попутке и через десять минут толкнуть дверь своей квартиры? Какие гири повисли у меня на ногах?

Потом я понял, что это за «гири» — страх не найти на экране монитора ровным счетом ничего. НИЧЕГО. Но с не меньшим страхом я думал о том, что в углу экрана высветится маленький желтый конверт. И я не знал, что лучше: это ничего или конверт...

Около семи часов Татьяна Николаевна начала характерно покашливать за дверью. А потом приоткрыла дверь и спросила непринужденным голосом:

— Еще кофе?

Я понял, что пора уходить. И вышел на улицу, впервые не завернув в свой любимый ресторанчик «Суок», хотя мог бы... Но на улице меня одолел сон, я ощутил его лихорадку и еле дождался, пока машина домчит до моего подъезда. Потом я боялся, что лифт, везущий меня на девятый этаж, вдруг застрянет и мне придется провести в нем несколько томительных часов, гадая, есть конверт или его нет? Слава Богу, этого не произошло, и я ворвался в квартиру, на ходу скидывая пиджак, разбрасывая по углам туфли и сдирая галстук. В черное кресло я опустился изрядно растрепанным, приобретя свой обычный «домашний» вид, недоступный глазу моих студентов, привыкших к моей полной «застегнутости».

Я перевел дыхание... Тогда тоже был сентябрь. На кухне и балконе лежали арбузы. Сейчас там лежат только слои пыли...

Я щелкнул клавишей, и в углу высветился желтый конверт. Неужели? Еще раз щелкнул «мышкой». Зажмурился. И открыл глаза.

«Я умерла 25 сентября 2000 года...» — высветилась строка на экране.

Я закрыл глаза. Холод и мрак охватили меня...

Август, 1977 год

ДЭН

1

Это случилось в августе 1977 года. Тогда мне было восемнадцать. Я мечтал о славе. И знал, что она придет. Речь шла не о сиюминутном восхождении на некий пьедестал на узком пространстве, в котором я тогда жил. И не о рукоплескании аудитории, которая забывает о тебе на следующий же день. Нет. Я чувствовал, что у меня есть предназначение, тайну которого мне еще предстояло разгадать.

А пока оно только зарождалось во мне, словно во влажной марле набухает фасоловое ядро — такой опыт нас заставляли проделывать в школе на уроке биологии. Все тридцать пять человек проращивали фасоль, а через пару недель приносили результат в школу на урок. Я отчетливо помню, что мой зеленый побег был больше, чем у других. Это было давно, классе в шестом. Но именно после этих опытов я понял, что и как развивается внутри меня самого. И терпеливо ждал. Настолько терпеливо, что старался лишний раз не привлекать к себе ничего пристального внимания — мне это было ни к чему. Пока. Я окончил школу, очень легко поступил в институт кинематографии на сценарное отделение (мой сценарий, написанный пару лет назад, оказался лучшим. Его потом долго еще держали на кафедре, как пример) и, узнав результат, отправился отдыхать в горы, на турбазу у подножья Карпат. Собственно говоря, это была «кинематографическая» турбаза, куда направились почти все мои будущие однокурсники, ибо объявление о «горящих» студенческих путевках висело в фойе института. Мы еще не были хорошо знакомы между собой, нас объединял общий дух недавно отшумевших экзаменов, во время которых мы все дружно толклись у дверей аудиторий и шумно приветствовали каждого выходящего оттуда.

Все это было позади. Мы съезжались на турбазу постепенно, не стовариваясь, и бурно радовались каждому вновь прибывшему. Нас расселяли по небольшим деревянным коттеджам, и мы тут же начинали обследовать территорию, узнавая, где находится столовая, бассейн, кинозал и ближайшее «сельпо», в котором продается портвейн «777». Мы чувствовали себя очень взрослыми и бывалыми. Старались общаться как можно непринужденнее и произносили имена своих кумиров «через губу». Называли мы друг друга «по-западному», поэтому меня сразу же окрестили Дэнном. Соседа по комнате звали, соответственно, Макс. Дэн и Макс — два крутых парня, будущие гении — тут же сбегали в сельпо и затарились несколькими бутылками крепленого «чернила». Пили мы все по-черному и... по-детски еще со школы — ничего дороже портвейна. Откровенно говоря, в первый же вечер я пожалел, что приехал именно сюда.

Горы тяжело синели вдаль и, казалось, дымились, окутанные рваной белой пеленой испарений, а я вынужден был сидеть на жесткой койке, дуть портвейн и слушать болтовню своих товарищей. Когда нас стало мутить (виду, естественно, никто не подавал) и мы по одному начали выходить «в кустики», мне удалось вырвать по из прокуренной комнаты и самому, уже без спешки, пройтись по территории базы. Это было довольно-таки тихое местечко. Или же таковым оно

было на исходе лета. За зашторенными окнами коттеджиков горел тусклый свет, на верандах кое-где сидели отдыхающие, из открытого кинозала доносились звуки запущенного фильма. Кажется, это был «Солярис»... В общем, развал и запустение. Только за белым старомодным забором заманчиво маячил мохнатый черный лес, и от него на меня покатила мощная волна свежести и тревоги. Было уже довольно-таки темно. Нелепые скульптуры «Девушки с веслом» и прочих культуристов белели по обочинам аллеи, как призраки. Почти все скамейки были «беззубыми», а все фонари — подслеповатыми. Я дошел до конца аллеи, опустил на скамью, вытащил сигареты. И почти сразу заметил вспышку красного огонька напротив...

Если бы я тогда не был пьян, если бы не бродило во мне, как вино, искристое состояние эйфории вступления в новую жизнь — ничего бы не произошло и не потянуло за собой цепь событий, следующих меня всю жизнь.

Но я был пьян. И поэтому увидел *нечто*... Это был силуэт, очерченный луной и в крошечной темноте аллеи казавшийся только контуром без телесного наполнения. Женщина курила папироску, вставленную в длинный мундштук. Она подносила к невидимым губам алый огонек, вдыхала его, и серебристый дым на какое-то мгновение заполнял весь ее прозрачный контур, словно изнутри обрисовывая тело. А потом с последним облачком дыма оно, это тело, медленно таяло в темноте. Чертовщина какая-то!

Я напряг зрение и неловко взмахнул рукой перед своим носом, отгоняя наваждение.

— Что, испугался?

Голос был слегка хриловатым, но таким чувственным, что у меня по всему телу побежали мурашки, будто бы женщина произнесла что-то неприличное (я и потом не мог привыкнуть к звуку ее голоса: о чем бы она ни говорила — о погоде, книге, кинофильме, сосисках или лошадях, — все звучало сладко-непристойным, как откровение).

— Да нет... Нормально... — пробормотал я.

Но влажная ночь и вершины гор, чернеющие вдали, и этот красный огонек, подмигивающий в темноте, и сам воздух — такой насыщенный и свежий — отрезвили меня. Я снова попытался разглядеть сидящую напротив женщину. Бесполезно. Наверное, уже тогда у меня совершенно «замылится» глаз на нее. Такое бывает, например, с мамашами, которые не могут оценить красоту или степень некрасивости своего ребенка, или же с художниками, которым их полотно кажется гениальным.

— Вы тоже живете в этом пансионате?

Ничего более глупого я не мог придумать! Это было все равно, что спросить у попутчицы после взлета: «Вы тоже летите в этом самолете?» Но мне хотелось хоть что-то сказать и услышать ответ.

— Вам здесь нравится? — продолжал я.

Огонек загорелся ярче (она сделала затяжку) и скользнул вниз (она опустила руку).

— Знаешь, где мне нравится? — услышал я ее голос (мурашки! мурашки!) после довольно-таки долгой паузы, — Там...

И огонек взлетел вверх и откинулся вдаль, в сторону гор.

— Я там еще не был... — сказал я. — Приехал только сегодня...

— Чудак! — Я увидел, как огонек резко полетел в кусты и потух. — Идем! Тут в заборе есть дырка.

По шелесту ее одежды я понял, что она встала и шагнула в мою сторону.

— Давай руку!

Я протянул свою в темноту и наткнулся на прохладную ладонь. И снова по телу пробежали мурашки. Ее рука была энергичной, не мягкой.

— Э-э, да ты пьяненький! — засмеялась она.

Я встал, стараясь держаться ровно. Мы были одного роста. Я чуть-чуть разглядел что-то более определенное — вытянутую стройную фигуру, длинную черную шаль, спадающую с плеч. Но более — ничего. И еще я услышал запах. Я тогда еще не знал запаха дорогих духов — их доставали «из-под полы», и девушки моего круга пользовались удушающе приторной «Шахерезадой» или концентрированным «Ландышем». А тут на меня хлынула волна дурманящего аромата — терпкого и ненавязчивого. Повинуясь руке, я стремительно пошел следом в тупик, которым заканчивался белеющий забор. В нем действительно зияла внушительная прореха, я, не выпуская ее властной ладони, пригнул голову, и мы оказались по ту сторону пансионата, на широкой равнине, заросшей буйным разнотравьем. Мы шли по колено в мокрой траве. На равнине, освещенной луной, я снова пытался рассмотреть ее, идущую впереди и ведущую меня за руку, как ребенка. Черная шаль окутывала все ее тело, длина волос была мне непонятна, ибо они, черные и, должно быть, очень густые, спадали на плечи и сливались со складками шали. Она ни разу не обернулась. Казалось, ей было совершенно безразлично, кого тащит за руку.

Я старался не упасть и не отстать, поэтому чаще смотрел себе под ноги, и дикая трава напоминала мне море, в котором я бреду,

натываясь на холмы песка. Голова моя кружилась. Мы шли к подножию горы так долго, что у меня закружилась голова. Ночь, луна, измокшие до колен брюки, незнакомка, летящая впереди. Все было фантазмагорией. Я обожал такие приключения. И не представлял, что может случиться дальше. Может быть, сумасшедший секс на лесной опушке? Что это за женщина? Зачем и куда она ведет меня? Сколько ей лет, как она выглядит? Чего хочет? Мы подошли к покатуному подножию поросшей густыми зарослями горы. Здесь мрак снова накрыл нас с головой, а из леса потянуло сыростью и особенным древесным духом, обостряющимся к ночи. Она остановилась, заведя меня за гряды первых сосновых деревьев, и прислонилась спиной к одному из них, слилась со стволом.

— Здорово?

Я отдышался и огляделся. Было действительно здорово! Будто бы мы попали внутрь живого организма, какой-нибудь сказочной рыбы, проглотившей нас. Деревья были ее нервными окончаниями, кроны — ритмично дышащими жабрами, а где-то в глубине пульсировало сердце...

— Он — живой. Чувствуешь? А днем здесь все не так...

Она щелкнула зажигалкой, и на мгновение я увидел фрагмент смуглой щеки и сверкнувший белок глаза, а потом передо мной вновь заплясал красный огонек.

— Как тебя зовут? — спросил я, мучительно решая, чем же должна разрешиться странная ситуация.

— Какое это имеет значение? Особенно сейчас? Разве я чего-нибудь хочу от тебя?

Огонек сделал дугу и исчез. Я снова почувствовал, как меня взяли за руку и потащили куда-то вверх. Мы шли так быстро, будто за нами кто-то гнался. Я слышал ее прерывистое дыхание. В какой-то момент мне стало страшно. Ветки, не замеченные мною в темноте, хлестали по лицу.

Наконец мы забрались еще выше и остановились. Все повторилось вновь — ее слияние с деревом, огонек. Но на этот раз я с удивлением смотрел вниз: мы вышли из пасти зверя, и вдали прорисовывались неясные огни села, пересеченного золотой узкой лентой какой-то речушки. Густые кроны деревьев, росших внизу, отсюда казались скучившимися облаками. Я совершенно пришел в себя и жадно дышал, наслаждаясь вкусом воздуха, который наконец-то мог оценить в полной мере. Вместе с этим воздухом меня переполнял восторг. Как хорошо, что я вырвался из душной комнаты, наткнулся на эту незнакомую женщину и она подарила мне такую замечательную

прогулку! Я понял, что две недели моего отдыха будут необычными. Обернулся, хотел поблагодарить...

Огонька не было. Я подошел к дереву, где она стояла, и даже дотронулся до него рукой. Никого!

— Эй!... — тихонько позвал я. — Ты где?

Мой голос в тишине леса прозвучал странно. Где-то вдали захлопала крыльями ночная птица. Я обошел каждое дерево, обшарил каждый куст. Мне в голову пришла бредовая мысль, что она легла на свою черную шаль и ждала, чтобы я наткнулся на ее тело. Потом я разозлился: что за дурацкие шутки! Потом заволновался, смогу ли найти дорогу назад. А еще позже некстати вспомнил, что эти края просто-таки кишат легендами о русалках, мольфахах и ведьмах.

Спускаться вниз одному было неприятно. Я все время прислушивался, не раздастся ли где-нибудь рядом звук ее шагов. Но лес только глубоко дышал и цеплялся за меня своими крючковатыми пальцами. Два раза я даже упал.

Выйдя на равнину, ведущую к пансионату, я перевел дыхание и снова оглянулся на лес. И мне показалось, что наверху снова дышит красный огонек ее сигареты. Он наблюдал за мной, как глаз. И смеялся.

2

Вымокший и грязный, я вернулся в комнату, где уже вовсю храпел мой напарник, и лег в кровать поверх одеяла. Разделся и укрылся только под утро, когда за окном уже розовел рассвет. Мельком взглянул на гору. Теперь она была пестрой, как лоскутное одеяло.

К завтраку мы опоздали. Я долго чистил брюки, Макс никак не мог прийти в себя после вчерашней попойки.

— Ты куда делся? — спросил он.

— Так, решил пройтись, — неопределенно махнул рукой я, мне не хотелось рассказывать о вчерашнем путешествии на гору.

Сегодня я решил разыскать свою вчерашнюю спутницу. Правда, я мало что запомнил: темные волосы, развевающуюся шаль, кусочек смуглой щеки, огонек папиросы... Ах да, был еще особенный запах духов!

В столовой я принялся внимательно разглядывать отдыхающих. Половина из них уже разошлись по своим делам — кто в горы, кто на экскурсию по местным достопримечательностям. Она, скорее всего, тоже позавтракала и ушла раньше.

— Кто еще здесь есть из наших? — спросил я Макса.

— Ты же всех видел! — удивился тот.

— Я имею в виду — вообще, из киношников? — пояснил я. Мне казалось, что она вполне могла бы быть студенткой актерского факультета.

Макс назвал несколько более или менее известных мне фамилий. Но все это было не то. Мы лениво ковыряли поданный завтрак: котлету с вермишелью и огурцом, творог, политый жидкой сметаной. Столовая была полупуста. За двумя столиками чуть поодаль сидело несколько человек. Я узнал одного седовласого молодящегося кинодокументалиста в потертой джинсовой куртке (как мы мечтали о такой тряпке тогда!). Он был с женой и дочкой. За соседним столом сидели три дамы. Они громко переговаривались, смеялись, поглядывая на нас и на кинодокументалиста. Одна из женщин курила. Но она была полной и стриженной.

— По-моему, мы тут сдохнем от тоски! — сказал Макс, — Можно, правда, ходить в трехдневные походы. Я видел объявление на доске. Ты как?

— Еще не знаю.

Мы кое-как доковыряли вермишель, с удовольствием проглотили холодный кислый кефир и вышли на солнце. Я знал Макса недостаточно хорошо, мне хотелось побродить одному.

— Ну, ты куда? — невзначай спросил я.

— Пойду еще покемарю, — ответил тот. — А ты?

— Пройдусь...

Утром территория базы выглядела менее привлекательно. Скульптуры были ужасны, беседки облуплены. Только неподстриженные кусты аллей, хвойные и лиственные деревья и заросшие клумбы выглядели естественно. Мне нравилось запустение. Я вышел к бассейну. Рядом с ним загорали люди, но никто не осмеливался нырнуть в зеленую воду, скорее всего — дождевую, стоявшую в нем целое лето. На темной поверхности, как парусники, плавали листья.

Я увидел ее сразу. Напрасно боялся, что не узнаю! Она лежала на полосатом полотенце и читала книгу. Ее волосы — действительно очень темные и очень густые — были подобраны в «конский хвост». Она была в открытом купальнике... Ничего общего со вчерашним ночным образом. Но я знал, что это она. Я сел на противоположном конце бассейна и принялся ее разглядывать. Напрасно! Я снова ощутил странную замыленность глаза — не мог собрать образ воедино. Он рассыпался, как детские кубики. Была ли хороша ее фигура? Я смотрел на ее розовые, сияющие на солнце пятки, и они казались мне яблоками в раю. Наверное, она была такой, как многие. Но ведь в том и состоит секрет человеческих отношений, что в какой-то момент